

TERRY PRATCHETT

Night Watch

Когда снаружи раздался душераздирающий крик, Сэм Ваймс вздохнул, но продолжил бриться.

Закончив, он накинул куртку и вышел в восхитительное сверкающее утро. Стояла поздняя весна. В кронах деревьев пели птицы, над распустившимися цветами жужжали пчелы. Впрочем, в небе витало марево, и тучи на горизонте обещали разразиться грозой. Но сейчас воздух был горячим и густым. И в старой выгребной яме за сараем садовника кто-то плескался, старательно держа голову над водой.

Ну хорошо, не над водой. Над тем, в чем он плескался.

Остановившись чуть поодаль, Ваймс раскурил сигару. Пользоваться открытым огнем рядом с выгребной ямой, пожалуй, было бы опрометчиво: юноша, рухнув с крыши сарая, проломил корку на ее поверхности.

— Доброе утро! — жизнерадостно поздоровался Ваймс.

— Доброе утро, ваша светлость, — откликнулся купальщик, отчаянно пытающийся удержаться на поверхности.

Голос его оказался неожиданно высоким, и Ваймс с удивлением понял, что барахтающийся в яме юнец на самом деле девица. Это не было чем-то из ряда вон выходящим — в Гильдии Наемных Убийц прекрасно знали, что, когда речь заходит о всякого рода хитроумных убийствах, женщины как минимум не уступают мужчинам. И все же это несколько меняло дело.

— Мы ведь, кажется, не знакомы,— сказал Ваймс.— Тем не менее ты меня знаешь. А ты?..

— Кудли, сэръ,— представилась купальщица,— Йокаста Кудли. Большая честь познакомиться с вами, ваша светлость.

— Кудли? — переспросил Ваймс.— Известная в Гильдии фамилия. Кстати, простого «сэръ» будет достаточно. Если мне не изменяет память, я как-то сломал твоему батюшке ногу?

— Да, сэръ. Он передает вам привет,— сказала Йокаста.

— А ты не слишком ли молода для такого заказа? — спросил Ваймс.

— Это не заказ, сэръ,— возразила Йокаста, загребая руками.

— Да неужели? За мою голову назначена цена по меньшей мере в...

— Совет Гильдии временно наложил запрет на этот контракт, сэръ,— объяснила девушка, по-собачьи работая конечностями.— Вы исключены из списка. В настоящее время заказы на вас не принимаются.

— Ну и ну! И с какой же вдруг стати?

— Не могу знать, сэръ,— сказала Йокаста Кудли.

Благодаря своему упорству она все-таки добралась до края ямы, где обнаружила идеально гладкую кир-

пичную кладку, уцепиться за которую не представлялось никакой возможности. Ваймс знал об этом, потому что в один прекрасный день лично потратил несколько часов, чтобы добиться именно такого результата.

— Тогда зачем тебя направили ко мне?

— Госпожа Банда послала меня сюда в качестве тренировки,— объяснила Йокаста.— Однако это у вас весьма коварно придумано, с кирпичной облицовкой-то.

— Верно,— согласился Ваймс.— Ты чем-то досадила госпоже Банде? Как-то ее расстроила?

— О нет, ваша светлость. Но она сказала, что я стала слишком самоуверенной и работа в условиях приближенных к боевым, пойдет мне на пользу.

— А, понятно.

Насколько припоминал Ваймс, Элис Банда слыла одной из самых строгих преподавательниц Гильдии. И ярой сторонницей практических занятий.

— Значит... она послала тебя за моей головой? — спросил он.

— Никак нет, сэр! У меня с собой даже стрел для арбалета нет, можете проверить! Я просто должна была найти позицию, чтобы взять вас на прицел, и описать ее в своем отчете!

— И госпожа Банда поверила бы тебе?

— Конечно, сэр,— заметно оскорбившись, ответила Йокаста.— Честь Гильдии, сэр.

Ваймс тяжело вздохнул.

— Видишь ли, сударыня, за последние несколько лет твои коллеги-приятели неоднократно пытались

убить меня в моем же доме. Как ты догадываешься, я изрядно подустал от этого.

— Отлично вас понимаю, сэр,— сказала Йокаста голосом человека, также понимающего, что выбраться из затруднительного положения он может только благодаря доброму расположению своего собеседника, не имеющего ровным счетом никаких причин оно расположение испытывать.

— Ты удивишься, узнав, какое количество ловушек расставлено вокруг дома,— продолжил Ваймс.— Некоторые из них весьма изощренны, поверь мне на слово.

— Эта черепица на крыше сарая крайне коварно ушла у меня из-под ног, сэр.

— Я уложил ее на хорошо смазанные полозья,— пояснил Ваймс.

— Здорово придумано, сэр!

— И некоторые ловушки могут быть смертельны,— сказал Ваймс.

— Значит, мне повезло, что я угодила именно в эту, да, сэр?

— О, эта тоже смертельна,— сказал Ваймс.— Она, как бы это выразиться, отложенного действия.— Он снова вздохнул.

Он и правда пытался отбить всякую охоту у членов Гильдии являться сюда, но... его исключили из списков? Не то чтобы ему нравилось, когда на него охотятся люди в капюшонах, нанятые его многочисленными врагами, но это было своего рода вотумом доверия. Свидетельствовало о том, что он по-прежнему раздражает богатых и высокомерных типов, которых и нужно раздражать.

Кроме того, Гильдию Убийц было достаточно легко перехитрить. Наемные убийцы придерживались строгих правил, собственного кодекса чести, и это вполне устраивало Ваймса, который в отдельных практических областях не придерживался никаких правил.

Исключен из списков, значит? До сих пор он слышал только об одном человеке, удостоившемся подобной чести,— лорд Витинари, патриций, по слухам, с некоторых пор тоже не значился в этих списках. Убийцы разбирались в тонкостях городских политических игр как никто другой, и если уж они исключили тебя из списка, значит, почувствовали, что твоя кончина не только спутает игру, но и разнесет в щепки всю доску...

— Я была бы весьма признательна, сэр, если бы вы вытащили меня отсюда,— окликнула его Йокаста.

— Что? Ах да. Извини, не хочется пачкать одежду,— сказал Ваймс.— Но я пришлю сюда дворецкого с лестницей, как только вернусь в дом. Хорошо?

— Большое спасибо, сэр. Приятно было с вами познакомиться, сэр.

Ваймс направился к дому. Исключен из списков? А жалобу подать можно? Может, они думают...

Его с головой накрыл очень мощный запах.

Он поднял взгляд.

И увидел куст сирени в цвету.

Ваймс долго смотрел на него.

Проклятье! Проклятье! Проклятье! Каждый год он забывает. Впрочем, нет. Он никогда ничего не забывал. Просто убирал воспоминания подальше, как старое столовое серебро, чтобы не потускнели. И каждый год они возвращались, острые и сверкающие, ра-

нящие в самое сердце. И надо же было такому случиться, чтобы именно сегодня...

Он поднял руку и дрожащими пальцами переломил веточку. Понюхал цветы. Постоял немного, глядя в пустоту. А потом, осторожно держа веточку в руке, вернулся в свою гардеробную.

Вилликинс приготовил для него парадную форму. Сэм Ваймс непонимающе уставился на мундир и лишь через несколько мгновений вспомнил. Ах да, заседание Комитета по делам Стражи. Ну конечно. Старая мятая кираса для такого случая вряд ли подойдет. Ведь он теперь его светлость герцог Анкский, командующий Городской Стражей сэр Сэмюель Ваймс. Лорд Витинари выразился по этому поводу чертовски недвусмысленно, будь оно все проклято.

И будь оно проклято еще больше, но Сэм Ваймс прекрасно понимал, что эти требования по-своему обоснованны. Как бы он ни ненавидел парадную форму, с некоторых пор он представляет не только самого себя. Сэм Ваймс мог являться на важные встречи в грязных доспехах, даже сэр Сэмюель Ваймс мог изловчиться и придумать оправдание тому, чтобы везде и всюду ходить в повседневной форме, но герцог... герцогу необходима некоторая доля лоска. Герцог не может позволить себе заявиться на встречу с иностранными дипломатами, сияя голым задом. Честно говоря, и Сэм Ваймс в своем неблагородном прошлом никогда не опускался до такого, но, даже если бы и опустился, никакой войны из-за этого не случилось бы.

Прежний Сэм Ваймс — старый, добрый, простой Сэм Ваймс — сопротивлялся изо всех сил. Ему уда-

лось избавиться от перьев на шлеме и нелепых трико и добиться того, что парадный мундир, по крайней мере, стал похож на нечто *мужское*. Но с позолотой на шлеме пришлось смириться, и оружейники выковали новую сверкающую нагрудную пластину с бесполезными золотыми завитушками. Всякий раз, надевая ее, Ваймс чувствовал себя классовым предателем. Кто-то ведь может решить, что он теперь ничем не отличается от тех, кто по всякому удобному случаю цепляет на себя эти цацки. Похож? Похож. Значит, виновен.

Он покрутил веточку сирени в руке и еще раз вдохнул опьяняющий аромат. Да... конечно, так было не всегда...

Кто-то заговорил с ним, заставив вынырнуть из воспоминаний.

— Что? — огрызнулся Ваймс.

— Я спросил, хорошо ли чувствует себя госпожа, ваша светлость, — повторил слегка напуганный дворецкий. — А вы, ваша светлость, хорошо себя чувствуете?

— Что? Ах да. Я в порядке. Как и госпожа, спасибо. Я заходил к ней, прежде чем выйти из дома. Там с ней госпожа Контент. По ее словам, это случится не прямо сейчас.

— Тем не менее я распорядился на кухне, чтобы приготовили побольше теплой воды, ваша светлость, — сказал Вилликинс, помогая Ваймсу надеть позолоченный нагрудник.

— Да, конечно. Интересно, зачем нужно столько воды?

— Не могу сказать, ваша светлость. Думаю, лучше и не знать,— откликнулся Вилликинс.

Ваймс кивнул. Сибилла с присущим ей тактом уже объяснила, что в данном случае в его помощи она не нуждается. И честно говоря, оно и к лучшему.

Он передал Вилликинсу веточку сирени. Дворецкий, не сказав ни слова, вставил веточку в маленькую серебряную трубку с водой, благодаря которой цветы не завянут несколько часов, и прикрепил ее к одному из ремней кирасы.

— Как быстро бежит время, не правда ли, ваша светлость? — спросил он, обметая доспехи метелкой для пыли.

Ваймс достал свои часы.

— Вот именно. Послушай, по пути во дворец я заскочу в Ярд, чтобы подписать то, что нужно подписать, и вернусь домой, как только освобожусь, хорошо?

Вилликинс посмотрел на него с почти недворецким участием.

— Ваша светлость, уверен, с госпожой все будет в порядке,— ответил он.— Она, конечно, не слишком, гм...

— ...молода,— подсказал Ваймс.

— Я сказал бы, что она может похвастаться большим жизненным опытом, нежели другие первороженницы,— с честью вышел из положения Вилликинс.— Но осмелюсь заметить, она весьма, что называется, крепко сбита, и в ее роду испокон веков не было особых трудностей с родоразрешением...

— С на что разрешением?

— С рождением детей, ваша светлость. Уверен, ее светлость предпочла бы знать, что вы преследуете злодеев, а не протаптываете дыру в ковре под дверьми.

— Пожалуй, ты прав, Вилликинс. Ах да, Вилликинс, в выгребной яме барахтается юная девушка.

— Ясно, ваша светлость. Немедленно отправлю туда поваренка с лестницей. Послать сообщение в Гильдию Убийц?

— Удачная мысль. Девушке потребуется чистая одежда и ванна.

— Думаю, лучше использовать шланг в старой прачечной, ваша светлость. По крайней мере, для начала.

— Разумно. Позаботься об этом. Ну, мне пора.

Сидевший за столом в набитой стражниками дежурке Псевдополис-Ярда сержант Колон рассеянно поправил веточку сирени, которую пристроил на шлем наподобие пера.

— Люди меняются, Шнобби. Странно так меняются,— сказал он, рассеянно перебирая скопившиеся за ночь документы.— Это чисто стражническое. И со мной так было, когда появились дети. Ты матереешь.

— Начинаешь больше материться? — уточнил капрал Шноббс, возможно, наилучшее ходячее доказательство того, что человек эволюционировал из животного постепенно.

— Ну-у,— протянул Колон, откинувшись на спинку стула,— это типа... Вот когда ты доживешь до наших лет...

Замолчав, он задумчиво поглядел на Шнобби. Шнобби уже много лет утверждал, что ему «где-то

тридцать четыре». В семье Шноббсов всегда было плохо со счетом.

— Я хотел сказать, когда человек доживает до определенного возраста,— поправился сержант,— он начинает понимать, что такой штуки, как идеальный мир, никогда не существовало и не будет существовать. Этот мир всегда будет немного, немного...

— Фиговым? — попытался подсказать Шнобби.

За ухом у него вместо традиционного окурка торчала увядшая веточка сирени.

— Вот именно,— подтвердил Колон.— Идеальным он никогда не станет, и тебе остается просто делать то, что ты можешь делать. Понял? Но как только речь заходит о детях, мужчина сразу меняется. «Слушайте,— думает он,— моему ребенку вот в *этом* расти. Э, нет, пора наводить порядок. Создавать Лучший Мир». И с той поры он воспринимает все малость... обостренно. Будто у него шило в задку появляется. Поэтому, когда наш босс узнает о том, что случилось с Рукисилой, здесь такое начне... Доброе утро, господин Ваймс!

— Обо мне треплетесь, да? — пробурчал Ваймс, проходя мимо вытянувшихся по стойке «смирно» стражников.

На самом деле он не расслышал ни слова из их разговора, но лицо сержанта Колона было для него не только открытой книгой, но книгой, все страницы которой он давным-давно выучил наизусть.

— Просто гадали, случилась ли радость...— забубнил Колон, едва поспевая за Ваймсом, который через две ступени шагал по лестнице.

— Не случилась,— отрезал Ваймс и распахнул дверь в свой кабинет.— Доброе утро, Моркоу.

Капитан Моркоу вскочил на ноги и отдал честь.

— Доброе утро, сэр! Ее светлость...

— Нет, Моркоу. Еще нет. Что произошло за ночь?

Взгляд Моркоу скользнул к веточке сирени и вернулся на лицо Ваймса.

— Ничего хорошего, сэр,— сказал он.— Еще один стражник убит.

Ваймс замер.

— Кто? — спросил он.

— Сержант Рукисила. Его нашли на улице Паточной Шахты. Опять дело рук Карцера.

Ваймс взглянул на часы. У них оставалось десять минут, чтобы добраться до дворца. Но вдруг время перестало что-либо значить.

Он сел за свой стол.

— Свидетели?

— На сей раз трое, сэр.

— Так много?

— Все — гномы. Сэр, Рукисила даже не был на службе. Закончил дежурство, зашел в лавку купить крысиный пирог и жареной картошки и наткнулся на Карцера. Этот гаденыш полоснул его ножом по горлу и скрылся. Вероятно, решил, что мы его выследили.

— Мы гоняемся за ним уже несколько недель! А он натывается на беднягу Рукисилу, когда тот способен думать только о завтраке! Ангва идет по следу?

— Честно пыталась, сэр,— сказал Моркоу.

— Но?

— Но он... кто-то бросил анисовую бомбу на Саторской площади, мы думаем, это был Карцер. Почти чистое анисовое масло.

Ваймс вздохнул. Поразительно, с какой легкостью люди адаптируются. В Страже появился вервольф. Весть об этом мгновенно разнеслась по улицам, точнее, по темным переулкам. И чтобы выжить в обществе, где у закона вдруг обострился нюх, нарушителям пришлось срочно эволюционировать. И появились бомбы-вонючки. О, ничего особо драматичного, никаких спецэффектов. Надо было просто бросить на оживленном перекрестке пузырек с анисовым или мятным маслом, чтобы люди разнесли запах во все стороны. Это сотни, тысячи пересекающихся следов! Единственное, на что сержант Ангва была способна после такого, — это вернуться домой и свалиться в постель с жуткой головной болью.

Ваймс мрачно слушал, как Моркоу докладывает о том, кого он вызвал из отпуска, а кого перевел на две смены; стукачи уже стучат, доносчики доносят, наводчики наводят, нос по ветру, ухо к земле, мышь не прошмыгнет, не волнуйтесь, сэр. Но Ваймс слишком хорошо понимал, как мало от всего этого проку. Стражников по-прежнему чуть больше сотни, считая буфетчицу, а в городе — миллион с лишним жителей и миллиард мест, где можно спрятаться. Анк-Морпорк — одна большая нора. А этот Карцер — настоящее бедствие, сущий кошмар.

Ваймс давно привык к придуркам всех мастей, которые живут себе вполне по-человечески, но в один прекрасный день вдруг слетают с катушек и бьют кого-нибудь кочергой по голове за то, что тот слишком громко высморкался. Но Карцер был не из таких. Он страдал раздвоением личности, причем его личности,